

СЕЛЕЗНЕВА
Елизавета Григорьевна

бакалавриат, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Россия),
elgordw@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭПИТЕТОВ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Н. ГУМИЛЕВА И М. ВОЛОШИНА

Научный руководитель:

Патроева Наталья Викторовна

Рецензент:

Дьячкова Ирина Николаевна

Статья поступила: 25.10.2024;

Принята к публикации: 05.12.2024;

Размещена в сети: 11.12.2024.

Аннотация. В статье рассматриваются эпитеты с точки зрения их функционирования в ранних текстах Н. Гумилёва и М. Волошина. Целью работы стало описание и сопоставление разницы в значении и функционировании эпитетов в поэтических сборниках М.А. Волошина и Н.С. Гумилева, опубликованных до 1910 года. В анализ было включено 3809 эпитетов. В ходе работы было замечено внешнее сходство поэтики, а при детальном рассмотрении категорий эпитетов – индивидуально-авторские черты употребления лексем.

Ключевые слова: эпитет, тематические группы эпитета, поэтический язык, Гумилёв, Волошин, индивидуально-авторская картина мира

Для цитирования: Селезнева Е. Г. Типология и функционирование эпитетов в ранней лирике Н. Гумилева и М. Волошина // StudArctic Forum. 2024. Т. 9, № 4. С. 117–124.

Эпитет как вид тропов — «одно из весьма действительных средств, усиливающих картинность и эмоциональность речи», которое предназначено для того, чтобы «подчеркнуть в предмете один из его признаков» [Шальгин: 24]. История изучения эпитета начинается в античной Греции. Древнегреческое epitheton — «приложенный», «наложенный» в качестве термина впервые рассматривается уже в учении Аристотеля¹, продолженного в поэтиках и риториках эпохи Возрождения, а затем Нового времени в Западной Европе и России [Жирмунский: 355-361]. Один из классиков отечественного литературоведения академик А.Н. Веселовский видел в эволюции эпитета эволюцию всего поэтического стиля [Веселовский: 59], а также важный фактор для характеристики индивидуально-авторского слога: «Есть поэты целомудренной формы и пластической фантазии, которые и не ищут обновления в этой области; другие находят новые краски и – тоны» [Веселовский: 75]. Первоначально существуя лишь как «украшающее» определение, запечатляющее устоявшийся набор признаков, в этом узком предназначении эпитет перестаёт существовать в эпоху романтизма. В дальнейшем роль художественного определения, воплощающего образный замысел писателя, может уже выполнять любой атрибут, «слово, определяющее, поясняющее, характеризующее какое-нибудь свойство или качество понятия, явления, предмета» [Тимофеев: 180], всякое определение, «отмечающее существенную, для определенного контекста, черту в изображаемом явлении» [Абрамович: 150], «усиливающее, подчеркивающее какое-либо характерное, важное, отличительное свойство этого явления» [Озеров: 148].

Во второй половине XX – начале XXI веков развиваются новые подходы к изучению эпитета. Так, Б. Успенский в «Поэтике композиции» изучал эпитеты с точки зрения

их композиционного значения и их роль в организации текста [Успенский: 25-26, 158, 210]. Эпитеты исследуются как стилистический элемент [Розенталь: 355], ментально-вербальное образование [Одинцова: 11–28], как когнитивная единица [Голубина: 8], [Сандакова: 106–112], благодаря чему троп представляется многоаспектным выразительным явлением, что открывает новые горизонты в области анализа и осмысления литературных текстов.

Эпитет предоставляет в распоряжение художника слова невероятно богатую библиотеку образов, как писал об этом, например, Н. Гумилёв в одном из литературно-критических разборов: «Образы Сологуба... Словно сквозь закопченное стекло смотрит поэт вокруг себя. Красок нет, да и линии как-то подозрительно стерты; свет зари у него холодный и печальный, жизнь – бледная, день – ясный, бездна – немая. Словарь благородный, но зато какой невыразительный; сравните его хотя бы со словарем Брюсова или Бальмонта; я не говорю об Иванове или Анненском, у которых прилагательное своей глубиной и красочностью совершенно подавляет существительное»². Современник Н. Гумилёва М. Волошин в качестве одного из образцов для подражания, в том числе и в использовании эпитетов, также упоминает К. Бальмонта и Ф. Сологуба³.

Художественные миры Николая Гумилёва и Максимилиана Волошина редко становились предметом специального лингвопоэтического анализа, между тем несомненно влияние этих ярких представителей Серебряного века русской литературы на творчество их современников и последователей в российской поэзии. Целью данной работы является проведение сопоставительного анализа эпитетов в лирике М. Волошина и Н. Гумилёва. В задачи работы входят классификация, описание и сопоставление функционально-семантических особенностей художественных определений в поэтических сборниках М.А. Волошина («Стихотворения 1900–1910») и Н.С. Гумилёва («Путь Конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга»)⁴.

В дальнейшем сопоставительном анализе мы опираемся на разноаспектную классификацию эпитетов, представленную в работе [Патроева: 43-46]. Данная типология позволяет разграничивать эпитеты с точки зрения не только частеречной принадлежности, но и степени употребительности, семантико-функциональных, синтаксических особенностей употребления.

* * * * *

Большую часть эпитетов в текстах обоих поэтов предсказуемо составляют **эпитеты-прилагательные**: 79,4 % (1559 из 1964) у Н.С. Гумилёва и 80,4 % (1548 из 1926) у М.А. Волошина. С точки зрения семантического критерия распределение лексических единиц также ожидаемо: наиболее частотными в употреблении являются зрительные эпитеты: 33,5 % у Н.С. Гумилёва (*туманных горах, узорный кубок*⁵) и 39,1 % у М.А. Волошина (*острокрыших городков, размытых впадинах*⁶). При этом важнейшую изобразительную роль в стихотворениях обоих поэтов играют цветочные эпитеты, составляющие около половины всех зрительных эпитетов: 42,2 % (221 из 523: *пурпуровой зале, багряные цветы*⁷) и 49,8 % (302 из 606: *отблеск золотистый, фиолетовые грозды, серебристо-сизый тон*⁸) соответственно. Эти сходные тенденции можно объяснить, с одной стороны, символистической ролью цвета и в целом зрительных эпитетов в текстах М. Волошина, написанных в первое десятилетие своего духовного рождения; с другой стороны, в ранних стихотворениях Н. Гумилёва еще не отражается акмеизм, с его нелюбовью к украшающей тропике и не жаловавший вычурность выражения, как раз порождаемую использованием ярких визуальных элементов и цветочной экспрессии.

Отметим, что предвещает будущее расхождение в стилях поэтов и в каком-то смысле акмеизм количественное соотношение оценочных эпитетов, являющихся более

отвлеченными и не предполагающими излишне экспрессивную характеристику предметов: 30,3 % (472) у Н. Гумилёва против 18,5 % (287) у М. Волошина. Интересно проследить внутреннее соотношение оценки *общей* (объективное качество называемого предмета) и *частной* (индивидуально-субъективная характеристика качества) в этой категории эпитетов. У Гумилёва категории приблизительно равны: 51,5 % (243) для общей (*богатого* Синдбада⁹) и 48,5 % (229) для частной оценки (*лучшие стихи*¹⁰), в то время как у Волошина 65,5 % (188) приходится на общую оценку (*собаки голодны*¹¹) и только 34,5 % (99) на частную (*сложных письменах*¹²), что объясняется переносом категории субъективности восприятия в его стихах на эмоциональные эпитеты. Мир грез Волошина не может, как гумилёвский, говорить языком фактов, в нем намного больше тонкого импрессионизма и чувственного восприятия мира.

Этим также объясняется и соотношение категорий эмоциональных эпитетов: 17,1 % (267) у Гумилёва и 19,5 % (302) у Волошина. При этом в данной категории художественных атрибутов 121 репрезентации Гумилёва (*печальный король*¹³) и 133 репрезентации Волошина (*грустная девочка*¹⁴) определяют эмоциональное состояние лирического героя, а эмоциональное качество героя или действия характеризуют 68 единиц у Гумилёва (*робкий ум*¹⁵) и 70 единиц (*гордый лик*¹⁶) в стихах Волошина (соотношение похожее).

Напротив, сильно различается соотношение категорий эмоционально-субъективного отношения к тому или иному предмету, явлению окружающего мира: 48 единиц у Гумилёва (*Святая Мечта*¹⁷) против 91 единицы у Волошина (*сладкий страх*¹⁸), а также категории эмоционального проявления: 30 единиц у Гумилёва (*стенанья яростны*¹⁹) против всего лишь 8 единиц у Волошина (*буйных площадей*²⁰).

Такой результат вновь подтверждает, что если эмоциональная характеристика в целом и имеет у обоих поэтов близкую частотность употребления, то акценты расставлены иначе: чувствительность к миру лирического героя, статичное внешне пребывание в эмоциональных состояниях у Волошина выше, в то время как направленность вовне и активность действия в целом выше в стихах Гумилёва.

Восприятие мира в эпитетах базовых органов чувств (исключая зрение, поскольку оно было рассмотрено отдельно) также различается, частотность употребления каждой категории: слуховые (67:70), вкусовые (3:5), обонятельные (8:15) – выше у М. Волошина (*звонких кастаньет, горький звездный сок, травую... пахучей*²¹), что ожидаемо из сделанных ранее наблюдений. Наибольшее расхождение наблюдается среди осязательных эпитетов: 57 (из 135) единиц (*холодный ветер*²²) у Гумилёва на 106 (из 189) у Волошина (*острым щербям*²³).

Восприятие хронотопа, явленное через эпитеты, в стихотворениях поэтов имеет ту же тенденцию: эпитеты пространства (71: *стенной* полыни) и времени (86: *поздний луч зари*²⁴) у М. Волошина употребляются чаще, чем эпитеты пространства (60: *горном* снеге) и времени (67: *полуночной мгле*²⁵) у Н. Гумилёва.

Притом, что общее количество эпитетов-прилагательных у поэтов крайне близкое, частотность употребления категорий разнится в связи с особенностями поэзии в целом: зарождающегося акмеизма у Н. Гумилёва и зрелого символизма у М. Волошина.

Эпитеты-причастия, семантико-грамматически будучи слиянием черт имени прилагательного и глагола, балансируют общую картину движения и статики в стихотворениях. Недостаток действия в текстах М. Волошина компенсируется за счет зрительных причастий, составляющих 33,6 % (88 из 262: *дрожащий луч, пламенеющий*

залив²⁶) от общего количества единиц этой части речи. Процент зрительных причастий Гумилёва ниже – 29,1 % (58 из 199: *мерцающий* взгляд, *столпившихся* колонн²⁷) от общего количества, однако количество его цветowych причастий выше (12:2), что объясняется тенденцией к красочному описанию внешних эффектов: *изумрудно-блистающих* тел²⁸.

С добавлением семантики действия повышается и эмоциональность гумилевских эпитетов, частотность употребления категорий эмоционального состояния (54:26), отношения (12:4), качества (11:8), проявления (7:4) в его стихах почти в трижды выше (42,2 %, 84 из 199: *смущенными* очами, *желанный* ответ, *чарующий* взгляд, *бунтующих* парфян²⁹) в сравнении с лирикой М. Волошина (16 %, 42 из 262: *степь околдованная*, *отвергнутого* мира, *манящую* красоту, *грозящих* кар³⁰).

В категории основных органов чувств ситуация отличается от того же соотношения в именах прилагательных: осязательных эпитетов больше у М. Волошина (9:6), слуховых у Н. Гумилёва (6:4), количество обонятельных эпитетов одинаковое (2:2).

Оценочные эпитеты сохраняют ранее выявленную в именах прилагательных тенденцию, большая частотность употребления (45:33) вновь за Н. Гумилёвым (*убитый* певец, *отравленная*... *влага* кубка³¹): 22,6 % к 12,6 %.

Эпитеты-деепричастия, нося семантику добавочного действия, могут «раскрасить» основное действие, однако составляют наименьшую группу в стихотворениях. Зрительные (6), а также деепричастия эмоционального состояния (3), проявления (2) и качества (1) добавляют детали лишь в лирике Н. Гумилёва (*искривясь*, *поникло*; *летел*, *прозрев*; *говорят*, *храбрясь*³²).

Эпитеты-наречия, количественно чаще встречающиеся в гумилёвских стихах (175:95), повторяют общую тенденцию оценочных эпитетов, появляясь в стихотворениях Н. Гумилёва (34: *напрасно* родятся мечтанья, превращен *внезапно*³³) чаще, чем в стихах М. Волошина (8: *зовут неотвратимо*; *говорил*... *красиво*³⁴): 19,4 % к 8,4 %.

Склонность к употреблению зрительных эпитетов вновь выше в символистских стихах М. Волошина 26,3 % к 8,6 %: *ярко* вспыхнул, *алмазно* и *лазурно*... мерцают³⁵.

В отношении эмоциональных эпитетов складывается общее ощущение, что данная категория доминирует у Н. Гумилёва именно в сфере наречий, в отличие от имен прилагательных и причастий. Это подтверждается наречиями эмоционального состояния (21:5), отношения (17:8), качества (40:16) и общим соотношением эмоциональных эпитетов-наречий: 44,6 % у Гумилёва (*надменно* и *дерзко* решают; *бодро* стремился; *мне сладко* вам служить³⁶) и 27,4 % у Волошина (*радостно* уйти; *возжег благоговейно*; *властительно* и *строго* шумел³⁷).

Хотя общее количество хронотопических наречий пространства (8:2) и времени (17:12) у Н. Гумилёва выше (*ближе* подлетают, поставлены *рядом*³⁸), активность их употребления выше у М. Волошина: 14,7 % к 14,3 % (*вечно*...стучит; *вечно*...говорит; *вечно* стремлюсь³⁹).

Категории чувственного восприятия мира в наречиях представлены более скудно: зафиксированы лишь слуховые (22:14) и осязательные (1:5), в процентном соотношении доминирующие в стихотворениях М. Волошина (20 %: *касалась влажно*, *глухо* шумит) и составляющие у Н. Гумилёва 13,1 % (*пылали жарко*, *протяжно* звеня⁴⁰).

Эпитеты-существительные в лирике поэтов встречаются немного чаще, чем эпитеты-деепричастия, но мы не стали предпринимать попытки подводить словоформы под категории, поскольку именно эпитеты-существительные, написанные поэтами через дефис,

семантически подчеркивают пересечение сфер эпитета и метафоры. Отметим лишь, что на 18 существительных-приложений в стихотворениях Н. Гумилева (*дева-воин*, *девушек-колдуний*, *слон-пустынник*⁴¹) приходится 20 у М. Волошина (*город-змея*, *странник-человек*, *ветры-скитальцы*⁴²). Это в процентном соотношении: 0,9 % к 1 %, что ярко выявляет подобие их активности.

* * * * *

Сопоставительный анализ частотного соотношения лексико-грамматических разрядов и семантических групп эпитетов в лирике Н. Гумилёва и М. Волошина позволяет выявить ряд особенностей, ярко характеризующих акмеистскую и символистскую поэтику авторов.

В большинстве случаев эпитеты выражены именем прилагательным (79,4 % – у Н.С. Гумилёва, 80,4 % – у М.А. Волошина), реже причастием (10,1 % – у Н.С. Гумилёва, 13,6 % – у М.А. Волошина), еще меньше наречием (8,9 % – у Н.С. Гумилёва, 4,9 % – у М.А. Волошина), совсем редки эпитеты-деепричастия (13 единиц – у Н.С. Гумилёва, 1 – у М.А. Волошина) и приложения-существительные (18 единиц – у Н.С. Гумилёва, 20 – у М.А. Волошина).

Рассматривая семантический признак среди всех частей речи, мы обнаружили такие тенденции: большая часть эпитетов входит в группу зрительных (602, 30,6 % – у Н.С. Гумилёва и 719, 37,3 % у М.А. Волошина); следующая по частотности группа оценочных эпитетов (548, 27,9 % – у Н.С. Гумилёва и 330, 17,1 % – у М.А. Волошина); далее следуют эмоциональные эпитеты (430, 21,9 % – у Н.С. Гумилёва и 373, 19,4 % – у М.А. Волошина). Наиболее малочисленными являются группы хронотопических эпитетов (193, 9,8 % – у Н.С. Гумилёва и 168, 8,7 % – у М.А. Волошина) и группа эпитетов, характеризующие мир в восприятии органами чувств: слуховые, вкусовые, обонятельные и осязательные (173, 8,8 % – у Н.С. Гумилёва и 170, 8,8 % – у М.А. Волошина), находящиеся почти в одинаковом процентном соотношении.

Несмотря на совсем небольшую разницу в количестве эпитетов в анализированных нами сборниках (1964 – у Н.С. Гумилёва и 1926 – М.А. Волошина), при детальном рассмотрении распределения единиц по категориям становятся видны различия векторов развития поэтической картины поэтов. Внешняя схожесть обуславливается ранними периодами творчества обоих авторов. Акмеизм, к которому Н. Гумилёв тяготел с 1912 года, не жаловал излишнюю экспрессивность, направленную на нечто мистическое и туманное, а фокус внимания старался сместить на описание реальности жизни, в отличие от предшествующего символизма. Но поэзия начинающего свой путь в литературу Гумилёва, еще до 1912 года вдохновленного путешествиями и встречей с Анной Горенко-Ахматовой, отличается живостью, особой энергичностью и красочностью в описаниях: не случайно в первых сборниках 1907 и 1909 годов образные характеристики связаны, прежде всего, со странниками и возлюбленными. Позднее, продолжая искать стиль, Гумилёв постепенно перейдет к строгости образов в более зрелых стихах.

М. Волошин признавал годом своего духовного рождения для стихов 1900-ый, когда ему стали доступны труды двух философов и поэтов – Фридриха Ницше и Владимира Соловьёва, побудивших его к переоценке ценностей. Первая книга «Стихотворения 1900–1910» состояла из четырех частей, представляющих жизнь и людей в физическом движении, сопровождаемом хронотопическими деталями, духовных исканиях, страданиях от нерадостной любви. В философских поэтических опытах Волошина также встречается множество отсылок на мифологические сюжеты и произведения искусства, поскольку большое влияние на поэта оказал импрессионизм. Так язык его стихов обретает признаки одухотворенной действительности, отходящей постепенно от призрачности стиля классического символизма.

Мы делаем общее заключение, что именно в первое десятилетие XX века, между 1900 и 1910 годами, стало возможным некоторое внешнее сближение поэтики ранних Н. Гумилёва и М. Волошина, которое можно наблюдать в частотности употребления некоторых групп эпитетов, однако в дальнейшем лирические миры, индивидуально-авторские картины мира двух поэтов все больше расходились и дифференцировались.

Примечания

- ¹ Аристотель. Поэтика; Риторика. Москва: Азбука-классика, 2008. 352 с.
- ² Гумилёв Н.С. Письма о русской поэзии. Петроград: Мысль, 1923. С. 92-93.
- ³ Волошин М.А. Очерки и статьи, опубликованные в 1917–1927. С. 14.
- ⁴ Волошин М.А. Стихотворения. Москва: Гриф, 1910. 124 с.; Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. Стихи. Париж, 1905. 75 с.; Гумилёв Н.С. Романтические цветы. Стихи. Париж, 1908. 62 с.; Гумилёв Н.С. Жемчуга. Стихи. Москва: Скорпион, 1910. 163 с.
- ⁵ Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. С. 15; Гумилёв Н.С. Романтические цветы. Стихи. С. 29.
- ⁶ Волошин М.А. Стихотворения. С. 12; Там же. С. 85.
- ⁷ Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. С. 16; Гумилёв Н.С. Жемчуга. Стихи. С. 9.
- ⁸ Волошин М.А. Стихотворения. С. 12, 77, 51.
- ⁹ Гумилёв Н.С. Романтические цветы. Стихи. С. 54.
- ¹⁰ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1902–1910) Москва: Воскресенье, 1998. С. 26.
- ¹¹ Волошин М.А. Стихотворения. С. 28.
- ¹² Там же. С. 53.
- ¹³ Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. С. 18.
- ¹⁴ Волошин М.А. Стихотворения. С. 28.
- ¹⁵ Гумилёв Н.С. Романтические цветы. Стихи. С. 53.
- ¹⁶ Волошин М.А. Стихотворения. С. 12.
- ¹⁷ Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. Стихи. С. 73.
- ¹⁸ Волошин М.А. Стихотворения. С. 60.
- ¹⁹ Гумилёв Н.С. Жемчуга. Стихи. С. 127.
- ²⁰ Волошин М.А. Стихотворения. С. 57.
- ²¹ Волошин М.А. Стихотворения. С. 11, 67, 89.
- ²² Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. Стихи. С. 69.
- ²³ Волошин М.А. Стихотворения. С. 85.
- ²⁴ Там же. С. 8, 21.
- ²⁵ Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. Стихи. С. 70, 73.
- ²⁶ Волошин М.А. Стихотворения. С. 11, 14.
- ²⁷ Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. Стихи. С. 67; Гумилёв Н.С. Романтические цветы. Стихи. С. 38.
- ²⁸ Там же. С. 11.
- ²⁹ Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. С. 21; Гумилёв Н.С. Жемчуга. Стихи. С. 91; Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. Стихи. С. 67; Гумилёв Н.С. Романтические цветы. Стихи. С. 19.
- ³⁰ Волошин М.А. Стихотворения. С. 8, 37, 75, 117.
- ³¹ Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. С. 18; Гумилёв Н.С. Жемчуга. Стихи. С. 142.
- ³² Там же. С. 141; Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. Стихи. С. 61; Гумилёв Н.С. Романтические цветы. Стихи. С. 27.
- ³³ Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. С. 32; Гумилёв Н.С. Романтические цветы. Стихи. С. 34.
- ³⁴ Волошин М.А. Стихотворения. С. 87, 14.

³⁵ Там же. С. 17, 74.

³⁶ Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. С. 24, 30; Гумилёв Н.С. Жемчуга. Стихи. С. 112.

³⁷ Волошин М.А. Стихотворения. С. 50, 21, 49.

³⁸ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. С. 21; Гумилёв Н.С. Романтические цветы. Стихи. С. 57.

³⁹ Волошин М.А. Стихотворения. С. 9.

⁴⁰ Гумилёв Н.С. Жемчуга. Стихи. С. 23; Гумилёв Н.С. Путь Конквистадоров. Стихи. С. 18.

⁴¹ Гумилёв Н.С. Жемчуга. Стихи. С. 9, 13, 18.

⁴² Волошин М.А. Стихотворения. С. 16, 76, 31.

Список литературы

Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение. Москва: Просвещение, 1979. 352 с.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Москва: Высшая школа, 1989. 405 с.

Голубина К.В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 25 с.

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград: Наука, 1977. 416 с.

Одинцова М.П. Язык. Человек. Картина мира: Лингвоантропологический философский очерк. Омск: Издательство Омского университета, 2009. Ч. 1. 222 с.

Озеров Л.А. Работа поэта. Москва: Советский писатель, 1966. 336 с.

Патроева Н.В. Стилистика художественной речи. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. 215 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва: Высшая школа, 1990. 344 с.

Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. Москва: ОНИКС 21 век; Мир и образование, 2003. 381 с.

Сандакова М.В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного // Филологические науки. 2009. № 3. С. 106-112.

Тимофеев Л.И. Краткий словарь литературоведческих терминов / Л.И. Тимофеев, М.П. Венгров. Москва: Учпедгиз, 1963. 192 с.

Томашевский Б.В. Теория литературы: поэтика. Москва: Аспект Пресс, 1996. 334 с.

Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. 218 с.

Шальгин А.Г. Теория словесности и хрестоматия. Пятигорск: Издательство Пятигорского ун-та, 1916. 283 с.

Elizaveta G. SELEZNEVA

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
elgordw@gmail.com

TYPOLOGY AND FUNCTIONING OF EPITHETS IN THE EARLY LYRIC POETRY OF NIKOLAY GUMILYOV AND MAXIMILIAN VOLOSHIN

Scientific adviser:

Natalia V. Patroeva

Reviewer:

Irina N. Diachkova

Paper submitted on: 10/25/2024;

Accepted on: 12/05/2024;

Published online on: 12/11/2024.

Abstract. The article explores the role of epithets in the early works of Nikolay Gumilyov and Maximilian Voloshin. The aim of the study was to describe and compare the differences in the meanings and functions of epithets in the poetry collections of Gumilyov and Voloshin published before 1910. A total of 3,809 epithets were analyzed. Through this analysis, there were observed external similarities in their poetics; however, a closer examination of the use of epithets revealed distinct features of each author's worldview reflected in their choice of lexemes.

Keywords: epithet, thematic epithet groups, poetic language, Nikolay Gumilyov, Maximilian Voloshin, individual author's worldview

For citation: Selezneva, E. G. Typology and Functioning of Epithets in the Early Lyric Poetry of Nikolay Gumilyov and Maximilian Voloshin. *StudArctic Forum*. 2024, 9 (4): 117–124.

References

- Abramovich G.L. *Introduction to literary studies*. Moscow, Prosveshcheniye, 1979. 352 p. (In Russ.)
- Veselovsky A.N. *Historical poetics*. Moscow, Vysshaya shkola, 1989, 405 p. (In Russ.)
- Golubina K.V. *Cognitive bases of an epithet in fiction texts*. Abstract of candidate's thesis (Philology). Moscow, 2008, 25 p. (In Russ.)
- Zhirumunsky V.M. *Theory of literature. Poetics. Stylistics*. Leningrad, Nauka, 1977, 416 p. (In Russ.)
- Odintsova M.P. *Language. Human. World picture: Philosophical essay on linguistic anthropology*. Part 1. Omsk, Omsk State University, 2009, 222 p. (In Russ.)
- Ozerov L.A. *The work of a poet*. Moscow, Soviet Writer Publishin House, 1966, 336 p. (In Russ.)
- Patroeva N.V. *Stylistics of literary speech*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2018, 215 p. (In Russ.)
- Potebnaya A.A. *Theoretical poetics*. Moscow, Higher School, 1990, 344 p. (In Russ.)
- Rosenthal D.E. *Handbook on the Russian language. Practical stylistics*. Moscow, Onyx 21 vek, 2003, 381 p. (In Russ.)
- Sandakova M.V. The mechanisms of discursive metonymy of adjectives. *Philological Sciences*, 2009, No. 3, pp. 106-112. (In Russ.)
- Timofeev L.I., Vengrov M.P. *Concise dictionary of literature terms*. Moscow, Uchpedgiz, 1963, 192 p. (In Russ.)
- Tomashevsky B.V. *The theory of literature: poetics*. Moscow, Aspect Press, 1996, 334 p. (In Russ.)
- Uspensky B.A. *Poetics of composition: The structure of literary text and typology of compositional form*. Moscow, Languages of Russian Culture School, 1995, 218 p. (In Russ.)
- Shalygin A.G. *The theory of written texts and a reading book*. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University, 1916, 283 p. (In Russ.)